

УДК 811.161.1'373.611

КОМПОЗИТЫ С ОТВЛЕЧЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В МОСКОВСКОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ

И.В. Ерофеева

Аннотация

В статье подвергаются описанию функциональные черты сложных существительных в текстах Московского летописного свода. Их значение, структура, особенности контекстуального использования находятся в центре внимания автора. В статье также подвергаются анализу синонимические и антонимические связи этих слов.

В организации смыслового пространства текстов летописных сводов важную роль играли разнообразные словообразовательные средства. Среди стилистически маркированных форм, относившихся в древнерусском языке к высокому книжному стилю, особо выделялись сложные слова. Композиты создавались по моделям греческих производных слов вследствие процессов калькирования, которые «сыграли положительную роль в истории русского словообразования, поскольку обнаружили скрытые потенции словообразовательной системы русского языка» [Николаев 1987: 32]. Достаточно частое использование таких образований в оригинальных памятниках русского языка, какими являются летописи, свидетельствует об их ассимиляции в русской лексической системе.

Большинство сложных существительных пришло в оригинальную русскую письменность через переводы богослужебных книг и посредством старославянского языка, поэтому многие из них имеют не только фонетические и словообразовательные приметы книжного происхождения, но и особую возвышенную семантику, символическое значение, восходящее к древним церковным поступатам. Композиты отличаются от других дериватов и характером производящей базы, в качестве которой выступает основа словосочетания. Такие слова создавались в процессе терминотворчества славян по моделям соответствующих греческих образцов. «Значения греческих слов, переводимых на славянский, несомненно откладывались в литературном языке славян, до поры до времени сохраняясь в образцовых «блоках» текста» [Колесов 2004: 123]. Происхождение, структура, значение и, наконец, фонетические особенности сложных слов определяют их яркую стилистическую маркированность, а следовательно, и специфику употребления данных имен в контексте. Они имеют, кроме того, особую внутреннюю форму, анализ которой позволяет реконструировать языковое сознание средневекового человека, выявить культурно-историческую специфику языка изучаемого периода.

Московский летописный свод 1479 года отличается документализмом повествования. В этот период летопись все более и более становится сводом важнейших государственных документов. Но в летописи фиксируются и записи, сделанные самими летописцами, в нее включаются произведения церковного содержания, лексика которых существенно отличается от лексики основного текста. Эти отрывки отличаются обилием слов и оборотов церковнославянского происхождения, наличием большого количества слов со стилистически маркированными суффиксами -ние, -ство, -ость, а также сложных слов. Лексическое своеобразие таких произведений определяется семантико-аксиологическими константами средневековья, тяготевшего к воплощению вечных истин, проповедуемых христианством.

Анализ словообразовательной структуры сложных слов предполагает рассмотрение особенностей первого и второго компонентов сложения и словообразующего форманта. Самую большую группу сложных слов в Московском летописном своде составляют образования с первым компонентом благо-, который был наиболее продуктивным начальным компонентом сложений в древнерусском языке вообще [Вялкина 1974: 165]. Наибольшей частотностью употребления среди образований с благо- отличается слово **благовѣщенье**, которое фиксируется в летописи 23 раза. Оно относится к словам, имеющим греческие параллели. В соответствии с общим документальным характером московского летописания находится и употребление подобных лексем. Слово **благовѣщенье** используется для наименования религиозного праздника или церкви в честь этого праздника и фиксируется при описании конкретных событий для указания на время, даты их происхождения. Например: «Се же бысть на **благовѣщение**» (1216 г.); «Положено же бысть честное тѣло его в манастыри **Благовещениа богородица**» (1310 г.).

Большинство образований с первой частью благо- имеет терминологизированное религиозное значение. Часть из них подвергается частичной конкретизации и выступает с резульативной семантикой, обозначая нематериальные, идеальные по своей природе явления, например **благословение** в значении «пожелание благополучия кому-либо с призывом божьей помощи, милости»: «Слышавъ же Изяславъ сжаливъси, и **взем благословение въ церкви святаго Михаила у епискупа Еуфимиа**» (1146 г.); «В **неи же и писано благословение таково, веля битися ему с Татары**» (1380 г.).

По мнению исследователей, для средневековой литературы характерно два полюса изображения действительности: условное и безусловное. «Там, где литература связана с богословием, с церковью, прежде всего выступают условные формы отражения действительности, на первый план выносятся богословские понятия, представления, символы, и изложение подчиняется литературному этикету» [Лихачев 1973: 69]. Сложные слова представляют собой пример условных языковых форм, большинство из которых относилось только к конфессиональной сфере и воспринималось как искусственные образования, а если и фиксировались в отрывках исторического содержания, то при характеристике высших, божественных сил или для придания речи особой выразительности. Часто сложные слова в летописи используются как средство украшения повествования, в том числе в исторических произведениях. Например, при описа-

нии военных событий разграбления татарами Руси используются композиты с конкретизированной семантикой: **благоденьство** «благополучие», **долговременьство** «большая продолжительность (во времени)»: «Тако же и многое множество казны великово князя въскоре разнесоша, еще же и боярь старшиших казны долговременьствомъ собираемы и въ благоденьствѣ исполнены, то все взяша на расхищение» (1382 г.).

Сложные слова вступают в разнообразные отношения лексического взаимодействия. Они могут иметь синонимические первые или вторые компоненты, выступать как лексические или словообразовательные синонимы или антонимы. Большинство синонимических параллелей среди сложных слов в летописном тексте представлено формами с общим первым компонентом и синонимическими вторыми компонентами. Это связано с тем, что второй компонент в сложениях обычно играет основную роль, несет главную смысловую нагрузку и определяет категориальное и словообразовательное значение слова. Среди сложных слов отвлеченной семантики выделяются синонимические пары с общим значением действия или качества. Например, образования **благовѣрие** и **благочестие** имеют значение отвлеченного качества «истинная вера, благочестие». Они являются кальками с греческого, а потому характеризуются специализированным религиозным значением, называя важное для христиан понятие. Приведенные синонимы могут фиксироваться в одном смысловом ряду: «Но смирения ради благочестиа и величеством разума **благовѣриа** не зовется царемъ, но княземъ великим Русским своих земель **православиа**» (1437 г.).

Сложные слова различаются степенью продуктивности первого компонента. На пятом месте в древнерусском языке [Вялкина 1974: 166] находится первый компонент **зѣло-**. Он уступает по продуктивности начальному компоненту **добро-**, однако в Московском летописном своде фиксируется лишь одно образование с первым элементом **добро-** – **добродѣтель** и 5 образований с первым компонентом **зѣло-**. При этом все 5 форм являются синонимами: **злокозньство** – **зломыслие** – **злохитръство** – **злохытрие** – **злочестье** «козни нечистой силы, коварство, злой умысел». Вторые компоненты сложных слов, начинающихся со **зѣло-**, являются лексическими и словообразовательными синонимами. Образования со значением качества могут подвергаться конкретизации, например слово **зломыслие** выступает со специализировавшейся в обозначении негативного для религии явления семантикой «ересь»: «Си же паки **Новогодстии** о всем о томъ не **внимаху**, но свое **зломыслие** **творяху**» (1469 г.).

Синонимические пары образуют и сложные слова с общим первым компонентом, вторые части которых имеют значение отвлеченного действия. Отношения между частями композита в таком случае косвенно-объектные. Например, **идолослуженье** и **идолопоклонье** «языческий культ поклонения идолам, идолопоклонство». В тексте Московского летописного свода сложные слова обычно выступают среди слов аналогичной структуры. Будучи образными языковыми средствами, композиты могут оказываться в тексте в отношениях семантической оппозиции, становиться контекстуальными антонимами, несмотря на различия словообразовательного плана и семантики. Так, при описании крещения в Перми образование **идолослуженье** с семантикой действия

оказывается противопоставленным сложениям со значением отвлеченного качества **благочестие** «благочестие, религиозность» и **богоразумие** «божественная мудрость»: «Иди же преже бѣ идолослуженье и бѣсомъ угождение от начала миру, нынѣ же в последнее время седмыя тысяща на остаточномъ мѣсте благочестие просия и богоразумие явися...» (1396 г.).

Синоним к слову **идолослуженье** **идолопоклонье** также оказывается противопоставленным в контексте образованию сложной структуры антонимической семантики: **идолопоклонье** – православие: ««Невѣрнии бо изначала не знааху бога, ни научишася ни от кого же православию, перваго своего обычаа **идолопоклонья** дръжахуся» (1469 г.).

Словообразовательными синонимами являются вторые части сложных слов **братоубиство** и **братубьенье**. В древнерусский период в сфере имен отвлеченного действия синонимия форм с суффиксами -ние и -ство была особенно распространена и представлена прежде всего простыми дериватами. Поэтому сложные слова-синонимы в тексте Московского свода фиксируются только по 1 разу.

Полными синонимами являются сложные слова **рукополагание** и **рукоположение**, различающиеся лишь видовой характеристикой производящего для второй части сложения глагола. Оба слова имеют значение «поставление в священный чин». Употребление данных лексем согласуется с общим документальным характером Московского летописного свода, в котором фиксируются события, связанные с назначением различных церковных деятелей, присвоением им определенных чинов.

Реже синонимические отношения отмечаются в сложениях, имеющих общие вторые компоненты. Например, образования **благосердие** и **милосердие** синонимизируются в обозначении качества и называют «милосердие, сочувствие, сострадание». При этом форма **благосердие** употребляется в тексте летописного свода лишь 1 раз в контексте конкретного содержания при характеристике исторического лица: «Свое бы **благосердие** показал ко согрешающимъ» (1469 г.). Слово **милосердие** отличается большей частотностью употребления в летописи (13), однако лишь в единичных случаях оно указывает на качество, зависящее от воли конкретного персонажа, например в исторической повести «Бои на Двинѣ»: «По том же князь велики дасть Новгородцемъ миръ и любовь и **милосердие**» (1469 г.). Характерным приемом организации смыслового пространства древнерусского текста является использование сложных слов в ряду однокоренных слов других словообразовательных типов и разной частеречной принадлежности. Образование **милосердие** часто выступает в ряду родственных слов, эксплицирующих нужное содержание: **милосердие** – милость – милостив – умиление и под. Например: «Открыи богъ **милосердие** свое на люди Новгородскыя и створи милость свою с ними» (1231 г.); «Бяшет бо милостивъ, и воздохнувъ из глубины сердца съ умилением глаголаше: «господи, се ли годе бысть твоему **милосердию**» (1238 г.) и др. В большинстве случаев слово **милосердие** характеризуется сочетаемостью со словами **божее**, **владычне**, **бога**, то есть определяет качество, проявление которого обусловлено свыше. Субъект действия – высшая сила – может быть выражен в предложении имплицитно. Так, при описании мора в

Новгородской области: «Сице бо милосердие свое и казнь с милостью людемъ своимъ посла» (1417 г.).

Слово милосердие, относящееся к ключевым концептам культуры, имеет целый ряд синонимических и антонимических образований как однокоренных, так и разнокоренных. Среди них отмечаются и сложные слова, например неоднокоренной синоним **человѣколюбие** «любовь к людям, милосердие». Данное слово в контексте летописи так же, как и образование **милосердие**, распространяется лексемами **богъ**, **господь**, **божее** и под. и так же представлено в ряду слов общего смысла, в том числе однокоренных: «Всеблагий же и милостивъ и **человѣколюбець** богъ услыша скорбь людеи своих и молитвъ и моления и въздыхания их не презри, но обычным своим **человѣколюбиемъ** помилова люди своя» (1408 г.); «Таково же бысть **человѣколюбие** господа нашего Иисуса Христа, яко никде же никакова **человѣка** ничим не вредило» (1460 г.).

Избирательность использования деривационных средств проявляется в том, что словообразовательно маркируется имеющее ценность в сознании народа. Так как слово **милосердие** называет базовое христианское качество, оно имеет антоним, образованный при помощи отрицательного префикса не-: **немилосердие** «отсутствие милосердия, бессердечие, черствость, жестокость». По мнению исследователей древнеславянской аксиологии, с помощью негативизирующей префиксации маркировались не любые величины, а лишь те, которые относились к фундаментальным ценностям славян [Журавлев 2004]. Образование **немилосердие** представлено в летописи в ряду с однокоренным образованием **милостивый** и сложными словами отвлеченной семантики со значением действия и качества: «Всемогый же и милостивый и благословении **человѣколюбець** богъ, видѣвъ того **немилосердие** и на своего господина зломыслие и братубьение, преложи на кротость безбожных сердца и незаконных христианоубецъ Агарянь» (1443 г.).

Сложные слова с общей первой частью могут являться и антонимами, если вторые компоненты сложений имеют противоположное значение. Подобные отношения представлены в паре **братолюбие** «любовь к брату, ближнему» и **братоненавидѣнье** «ненависть к брату, ближнему». Причем первый компонент сложения **брато-** выступает с широким значением «ближний», развившимся вследствие метонимического переноса, свойственного древнерусскому языку, на базе термина родства. Образование **братолюбие** фиксируется в устойчивой литературной формуле наставления князя перед смертью: «Чада моя, имѣйте обычая блага, боголюбие и милостыню стяжати, правду любити, цѣломудрие и братолюбие честно держати» (1400 г.). Нагнетение слов общего смысла, в том числе однокоренных: **боголюбие**, **братолюбие**, **любити** – способствует экспликации важного для средневековой культуры религиозно-нравственного компонента. Нужно значение подчеркивается также вследствие употребления в одном ряду сложений, имеющих общий суффиксальный компонент **-ие**. Образование **братоненавидѣнье** также выступает в авторском морально-поучительном отступлении традиционного характера.

Обладая сложной структурой, композиты реализуют различные варианты лексического взаимодействия. Формы, имеющие вторые части – словообразо-

вательные синонимы и первые – лексические синонимы, могут приобретать антонимические оттенки в семантике и характеризоваться противоположной коннотацией. Подобные отношения представлены в паре слов со значением отвлеченного качества: **великоумѣство** «мудрость, величие мысли» и **высокоумие** – «гордость, заносчивость». Как и другие сложные слова, они могут придавать контексту особую выразительность. Например, в воинской повести «**О побоищи на Скорнищовѣ**» образование **высокоумие** фиксируется в отрывке, отличающемся повышенной эмоциональностью, столь несвойственной жанру летописания: «Рязанци же сурови суще челоуѣци, сверепи и высокоумни, палаумные людища, взгордѣвшесе величянием и помыслиша высокоумием своим» (1371 г.). Особую экспрессивность данному отрывку придают словообразовательные средства: увеличительный суффикс -ища в форме **людища**, сложное слово **палаумные**, повтор однокоренного сложного прилагательного **высокоумни**.

Композиты подвергаются процессам переосмысления не только метонимического, но и метафорического характера. Например, слово **благоволение** в значении «любовь, благорасположение» в исторической повести «**О Донском побоищи**» употребляется в образном словосочетании с существительным конкретной военной семантики **оружие**. Переносное значение этого сочетания поддерживается в контексте сходным по эмоциональности окраски и метафоричности семантики выражением, составляющим с ним однородный член **цитомъ истинны**: «От всѣх сих заступи его богъ въ день брани щитомъ истинны и оружиемъ благоволениемъ ошнилъ есть над главою его и промежи многими ратными съхрани его» (1380 г.). В приведенном примере в смысловой структуре сложного слова **благоволение** более значимой оказывается семантика его первой части. В традиционных ситуативных формулах это существительное характеризуется меньшей образностью, выступая со значением «желание, хотение, воля». При этом смысловую нагрузку несет на себе второй компонент сложения. Например, в традиционном описании начала строительства церкви: «Сихъ благоволениемъ же и повелѣниемъ благоуверного и христюлюбиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, бысть начало зданию церкви пресвятыа владычица наша Богородица на Москвѣ» (1472 г.).

Подавляющее большинство сложных существительных выступает в летописи с религиозным значением или характеризует качества с точки зрения церковного мировоззрения. Они представлены прежде всего формами отвлеченной семантики. Лишь некоторые сложные слова, являющиеся терминами православной религии, имеют конкретизированное значение. К ним относятся образования: **благоухание** – «приятный запах, аромат», **судохранилище** – «место хранения утвари, ризница», **рукописание** – «духовное завещание».

Единичными примерами представлены сложные существительные, связанные с другими сферами жизни человека средних веков. Это военные термины, социальные термины, локальные и темпоральные обозначения. К военной лексике относится образование **кровопролитие** в значении «убийство, гибель множества людей», обладающее яркой внутренней формой, несущей негативную оценочную семантику. Это образование относится к числу частотных в

тексте летописи и фиксируется в ней 17 раз в воинских повестях. Другим военным термином является слово **воеводство**. Оно мотивируется основой сложного имени существительного агентивного значения **воевода** и является наименованием действия лица, названного в производящей основе, или качества, свойства этого лица («должность, звание воеводы»). Для обозначения определенного вида оружия используется сложное слово **самоштрль** – «лук особого устройства».

Единичными примерами представлены в Московском летописном своде композиты, имеющие социально-юридическое значение. В начальной части фиксируется слово **правосудство** в значении «правый, справедливый суд», хотя его более употребительный эквивалент **правосудие** в тексте летописи не зафиксирован. К этой же группе относится образование отрицательной коннотации **мъздоимство** «взимание mzды, взяток, подарков». Оно также оформлено суффиксом **-ство**, который по продуктивности в составе сложных слов занимал второе место в группе отвлеченных существительных [Вялкина 1974: 160]. Социальное содержание имеет самое частотное в тексте летописи сложное образование **челобитье**, зафиксированное в ней 53 раза. Оно выступает с конкретизированным значением «просьба».

Несколько сложных существительных имеют темпоральное значение: **куроглашение** «время пения петухов», **межимнсячь** «полнолуние» и образование религиозной семантики **середохрестье** «середина великого поста». Лишь одно образование имеет локальное значение: **лукоморие** «берег залива». Все они используются в отрывках конкретно-исторического содержания для более точного указания на время или место событий.

Таким образом, в употреблении сложных существительных в летописном тексте обнаруживаются определенные закономерности. Большинство из них имеет терминологизированное религиозное значение. Они выступают в контексте в сходных синтаксических конструкциях, часто в сочетании с однокоренными словами, подчеркивающими соответствующую семантику, или в ряду однородных членов синонимического значения. Композиты обладают особой образностью, способностью к переосмыслению не только метонимического, но и метафорического характера. Сложения образуют между собой синонимические и антонимические пары, причем сходные или противоположные значения могут реализовывать как первые, так и вторые их компоненты.

Summary

I.V. Erofejeva. Compound nouns with abstract meaning in Moscow Annals (“Moskovski Letopisny svod”).

The article deals with the functional features of compound nouns in the texts of Moscow Annals. Their semantics, structure and the peculiarities of their contextual usage are in the focus of the author’s attention. Synonymous and antonymous relations of the compounds are analysed in the article as well.

Литература

1. *Вялкина Л.В.* Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI – XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1974. – С. 156–195.
2. *Журавлев А.Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. – М., 1997.
3. *Колесов В.В.* Слово и дело. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
4. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X – XVII веков. – Л.: Наука, 1973.
5. Московский летописный свод конца XV века / Полное собрание русских летописей. – Л.: Изд-во Академии наук, 1949. – Т. 25.
6. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987.

Поступила в редакцию
17.02.05

Ерофеева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.